

целом,— над его разумом, волей, совестью,— в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни?»

Пассивное отношение к жизни в русском человеке, считает писатель, особенно ярко проявляется в «тяготении к равенству в ничтожестве». Быть «ничтожным» «проще, легче, безответственней». Людей, которые чем-то выделяются на фоне общей массы, не любят на Руси даже в том случае, если они активно пытаются защищать не только свое достоинство, но и честь ближнего. Но русская натура в изображении Горького двойственна. Наряду с нелюбовью к «героям» он отмечает в народе страстную тягу к «праведникам», как бы оправдывающим самым своим существованием будничные грехи обыкновенных людей.

Конечно, писатель верил в революцию. Но понимал ее при этом не просто как политический переворот, а как культурную перспективу. Только культура, по мнению Горького, была способна вывести неприкаемую русскую душу из мертвого круга холостого верчения, где нелепая причина рождает не менее нелепое следствие. Только в культуре виделось ему примирение «двух душ»... Отсюда ощущение безысходности, выраженное в «Несвоевременных мыслях»: «Если революция неспособна тотчас же развить в стране непряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы — народ, неспособный к жизни». Отсюда и еще одно категоричное утверждение: «Где слишком много политики, там нет места культуре».

Как же мог Горький в конце концов пойти на компромисс со Сталиным? Распутать этот тяжелый узел «двух душ» самого писателя нам еще предстоит. Достаточно, впрочем, полистать газеты 1928 года, чтобы понять: Сталин очень умело использовал кампанию «народного ликования» по

случаю первого визита Горького в СССР. Такого триумфа при въезде в собственную страну не знал, наверное, ни один литератор! Выдержать это и не надломиться душевно едва ли было под силу человеку...

Гражданского мужества, политической смелости Горькому было не занимать. В 1917—1918 годах, печатая цикл «Несвоевременные мысли» во «внепартийной» газете «Новая жизнь», он, разумеется, понимал возможные последствия этого акта. Еще в октябре 1917-го в печати выступил Сталин. «Русская революция,— писал он,— ниспровергла немало авторитетов... Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дадут спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив».

После насильственного закрытия «Новой жизни» в июле 1918-го Горький издает «Несвоевременные мысли» отдельной книгой, по-новому располагая статьи с учетом главной темы «Революция и культура». При этом нарушился хронологический принцип, отдельные статьи выпали вовсе, но отчетливее прояснился жанр: не собрание политических памфлетов, а философская эссеистика.

Эта книга и легла в основу настоящей публикации. Приятно отметить отсутствие каких бы то ни было купюр, приятно и то, что вступительная статья и комментарии написаны И. Вайнбергом со знанием дела, корректно и без нажимов. Но здесь уместно вспомнить, что «Несвоевременные мысли» лишь первое закрытое белое пятно в публицистике Горького 1917—1928 годов. Ждет своего часа брошюра «Революция и культура. Статьи за 1917 г.», изданная на русском языке в Берлине в 1918 году. Совершенно неизвестными остаются многие письма и интервью Горького, относящиеся к тому периоду. Как бы мы ни оценивали их сегодня, читатель имеет право знать всю правду о Горьком.

Павел БАСИНСКИЙ.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

- О. А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М. «Наука». 1987. 351 стр.
- О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М. «Книга». 1987. 320 стр.
- В. М. Ершова. О. А. Добиаш-Рождественская. Л. Издательство Ленинградского университета. 1988. 112 стр.

Наконец-то труды историка Средневековья О. А. Добиаш-Рождественской (1874—1939) увидели свет. И не только труды, но и книга о ней, написанная с искренней любовью и уважением. Появление этих книг — дань прекрасному и трагическому прошлому наших учителей, связь с которыми мы нынче ощущаем как насущную необходимость ради продолжения жизни и культуры. Идеологическая пропаганда 20—50-х годов, толкая историю в безоглядное будущее, пускала ей пулю в затылок. С середины 50-х начались неистовые поиски прошлого. Тогда-то и возникла

необходимость разбить механизмы, порождающие стертые стереотипы сознания, подавляющие индивидуальные, личностные интересы. Нам дорого досталось осознание мысли, которая полстолетия назад была сформулирована Н. А. Бердяевым (выразившим, замечу, то, что уже около двух тысячелетий знала христианская культура): «Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно».

В начале 60-х, когда я знакомаюсь с ее работами, почерком, манерой описывать

рукописи, датировать их, имя О. А. Добиаш-Рождественской было в молчаливой памяти немногих. Теперь же явилась надежда включить ее произведения в современный исторический всеобуч.

В книге «Культура западноевропейского средневековья» не все принадлежит перу О. А. Добиаш-Рождественской. Книга состоит из четырех разделов. Первый включает в себя научные исследования Ольги Антоновны. Второй — смесь, куда помещены некрологи («Памяти Лависса», «Памяти Шарля-Виктора Ланглау»), воспоминания о С. Ф. Ольденбурге и отзывы на кандидатские диссертации А. С. Бартенева, С. М. Пумпянского и И. В. Арского. В третью вошли избранные письма Ольги Антоновны, а в четвертую — воспоминания о ней И. М. Гревса, Е. Ч. Скржинской, А. Д. Люблинской, А. В. Банк и О. Б. Враской. Неясным образом в этот раздел попала обстоятельная статья Б. С. Кагановича «О научном наследии О. А. Добиаш-Рождественской», которая скорее является послесловием, но никак не мемуарами. К сожалению, не нашлось места для воспоминаний Е. Н. Чеховой, аналитически точных и изящно написанных...

По свидетельствам учеников и сотрудников, Ольга Антоновна была одним из самых блестящих профессоров Высших женских (Бестужевских) курсов и Ленинградского университета. «Если я признаю за собою право назвать О. А. своею ученицею, то ощущаю и обязанность признать ее превзошедшею своего первого учителя в историческом искусстве, — писал о ней И. М. Гревс после ее кончины. — ...Нам горестно ощущать разлуку с нею, но дорого чувствовать, что она была и жила в нашей среде, и с гордостью признавать богатую и ценную работу... плоды которой [она] оставила нам на пользу».

Что же представляла собой О. А. Добиаш-Рождественская как историк? Она была, как пишет Б. С. Каганович, наследницей «традиций русской и французской научных школ, и, по удачной формулировке А. Д. Люблинской, именно эта комбинация сделала из нее „ученого действительно европейского масштаба“». Это справедливое утверждение нуждается в уточнении понятий «школа» (комплекс взглядов?) и «традиция» (преемственность?). Французские учителя Ольги Антоновны, под руководством которых она занималась в рукописных архивах Франции в 1908—1911 годах (прежде всего Ш.-А. Ланглау, Ф. Лот и отчасти Э. Лависс), тяготели к поколению «универсалов», писавших многотомные всеобщие

истории, истории государств и народов. Поколение же О. А. Добиаш-Рождественской — рядом с ней можно поставить Л. П. Карсавина и ее младших французских современников, М. Блока и Л. Февра, основавших в 1929 году знаменитую школу «Анналов», — дышало другим воздухом. Связывая развивавшиеся независимо друг от друга программы исследований О. А. Добиаш-Рождественской и основателя «Анналов», Б. С. Каганович подчеркивает, что в центре их находится изображение не стран и народов, а человека с его жизненными проявлениями и разнообразными формами мироощущения. В данном случае, когда речь идет о средневековом человеке, встает вопрос: откуда вдруг возникла у историков настоятельная потребность им заниматься?

Человек этот осознавал себя прежде всего как Божье творение, поставленное в центр мироздания, трагически переживая и свое богоподобие, и свои ничтожество, тленность; абсолютную заданность, несвободу — и столь же абсолютную свободу существа, вышедшего из-под воли Творца; право на дерзание, обусловленное свободой воли, — и ответственность за каждый (свой и чужой) поступок, который в силу смертности человека всякий раз может оказаться последним. Без определения человека этими двумя идеями — причащения и искупления — нельзя понять ни профана с его языческим атавизмом, ни высоколобого интеллектуала.

Впрочем, осмыслением человека, исходя из общесредневековых философско-теологических идей, занимались и историки предыдущего поколения. Что же нового привнесли в науку О. А. Добиаш-Рождественская и ученые ее круга?

В начале XX века, когда Ольга Антоновна приступила к исследовательской деятельности, интеллигенция России мучительно обдумывала пути исторического развития, оказавшись лицом к лицу с гигантскими катаклизмами, грозившими человечеству уничтожением. Сама эта угроза подкреплялась опорой на якобы слепые законы, походя сметающие все, что мешает поступательному движению истории. «Предметом истории является человечество», — вынужден был напомнить во «Введении в историю» Л. П. Карсавин. История в эту новую эпоху уже не могла быть просто социально-политической, правовой, экономической, она непременно должна была заявить о себе — в условиях ее разрушения — как история культуры. С этой, смещенной, точки зрения на историю сам человек видится

личностью, понятной, правда, как символ группы, Любой, даже средний человек, человек вообще преображался в сиянии духовных ценностей эпохи. Именно таким и показала средневекового человека О. А. Добиаш-Рождественская. Ясно, что история, увиденная с точки зрения культуры, оказывалась не раз навсегда заданной, а многовариантной. Ясно и то, что в эпоху революционного утверждения одного-единственного закона развития такая позиция подлежала искоренению. «Этого интеллигента могла исправить, — возглашал В. Ваганян в рецензии на «Введение в историю» Л. П. Карсавина, опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» (1922, № 3). Именно в те годы перестали издаваться работы Карсавина и Добиаш-Рождественской по истории культуры...

Особо хотелось бы отметить два момента. Судьба многих хороших идей часто зависит не от собственного их содержания, а от проводящих их в жизнь людей. Суть слова зачастую обнаруживается не в самом слове, а во взаимоотношениях слова и человека. Добиаш-Рождественская обладала способностью одушевлять все, к чему прикасался ее талант. В число источников она включила жития святых, легенды, описания культов и праздников, сведения об агрикультуре и технике, часы, часословы, часосовни — все, что так или иначе говорило о времени, «поясняя истину светом повседневности» (Б. Л. Пастернак). Это первое. И второе: творчество Ольги Антоновны приходилось на период, когда возрождались просвещенческая традиция отношения к Средневековью как мрачной тысячелетней ночи, лишенной какой бы то ни было свободы. «Тысячелетняя ночь! — словно бы изумлялась она. — Даже становится не по себе перед этим кошмаром. А между тем в эту долгую ночь сколько человечество боролось и искало, какие чудеса социального творчества, искусства, мысли и техники оставило в своих трудовых организациях, изумительном зодчестве, науке и песне, с какой любовью взлелеяло воплощение знания — книгу». Это не столько отзыв ученого, сколько крик обреченного на гибель интеллигента начала века, пытающегося не осудить время, а понять его...

В 1924-м, за год до увольнения из университета, Ольга Антоновна писала в книге «Западные паломничества в средние века»: «Кто имел возможность и силу сохранить ясность мысли и спокойствие духа среди кризисов и страданий совершающегося, кому дано было пред его лицом... «не радоваться, не смеяться, не плакать, но пони-

мать». Кто с обновленным опытом снова добросовестно и без предвзятых мыслей будет всматриваться в минувшее, тому история откроет свои тайны».

Критическое изучение, вкус к источникам, непререкаемость оригинала — вот те основания, стоя на которых можно было спасти историю от фальсификации. «Верить или не верить — дело Бога. Долг человека — быть искренним» — эти слова, приведенные в одном из писем историка, в некотором роде были ее девизом. Научная искренность, сопровождаемая скептицизмом по отношению ко всякой тенденции, одушевляла работы О. А. Добиаш-Рождественской. Именно поэтому было столь велико для нее значение повседневных навыков, благодаря которым становилось ясно, как обработать текст, за каким словом идти к Дюканжу (словарь средневековой латыни), за каким — к Форчеллини, какое написание имени — на латыни или национальном языке — стоит употребить, не искажая контекста исследования. Эти «мелочи» она прививала своим студентам, так же как в свое время прививали их ей. Такая «школа научного метода» для многих сотрудничавших с ней людей оказалась незаменимой и нужной на всю жизнь.

Как могло случиться, что в 60-е, оттепель-ные, годы ученики, свято хранившие память об О. А. Добиаш-Рождественской, признавая, что ее труды «блестяще написаны», что в них «собран ценный материал», объявили «общие концепции автора принадлежащими безвозвратно ушедшему в прошлое этапу в развитии русской медиевистики»? Не забыли упомянуть и о «духе буржуазной позитивистской науки», которым проникнуты якобы работы Ольги Антоновны..

Мне кажется, что такой оценке способствовала особая нагруженность времени 60-х, когда казалось, что возврата к прошлому нет, что оно полностью преодолено. Появлялись новые исторические, социологические, культурологические теории. Страсть к обновлению и, конечно, память об ужасах прошлого, в котором вольно или невольно все принимали участие, о преследовавшем страхе вызывали желание это прошлое похоронить... Если бы! Ведь в сказанном об Ольге Антоновне настойчиво звучали ноты, рожденные именно прошлым. Чего стоила одна «буржуазная позитивистская наука», этот ярлык, которым снабжали совершенно не похожих друг на друга исследователей — и Ранке, и Фюстель де Куланжа, и Лависса, и Ланглюа! Прописка всех этих ученых по одному адресу была продиктована, на мой взгляд, естест-

веннонаучным взглядом на историю, любое движение мысли подверстывающим под «школу». Но гуманитарная сфера — особая. Тут если и можно говорить о школе, то лишь в смысле выучки, тщательности аналитических методов, трудовых навыков, того, что Ольга Антоновна называла словом «акрибия» — своеобразный знак качества ученого. Во всем другом гуманитарий не принадлежит никакой школе: его характеризуют не посылка и вывод, а язык, вкус, богатство ассоциаций, форм, позволявших, как говорила Добиаш-Рождественская, определить «образ буквы, течение строки и физиономию страницы». (По такому принципу, кстати говоря, построена ее «История письма в средние века».) Свойства гуманитария — неповторимость и незаменимость. Стоит, по-видимому, говорить не о школе, а об учителях, передающих ученикам свое мастерство и воспитывающих в них нравственную ответственность за любую историческую интерпретацию.

Не случайно именно нравственные проблемы стали центром конфликта между О. А. Добиаш-Рождественской и И. М. Гревсом, о чем дают знать опубликованные в «Культуре западноевропейского средневековья» письма Ольги Антоновны к своему учителю. В 1936 году О. А. Добиаш-Рождественская написала И. М. Гревсу, что поставила перед собой задачу «заранее и твердо воздерживаться говорить полным голосом». В ответ на его упрек, что она «так решительно ставит крест» на том, что еще «недавно входило в [ее] научное мирозерцание», Ольга Антоновна отвечает, что сомневается в возможности существования в науке «свободы и истины», и соглашается, что отходит «от себя самой, какой... была, скажем, десять лет тому назад... что — очевидно — уже и было сильно разрушено необычайным опытом нашей жизни».

«Я не верю в абсолютную силу этических санкций...» Сейчас можно себе представить, какая безумная реальность заставила ее произнести эти слова. Они шли от желания понять и принять новое время. «Этика есть создание нашей духовной работы, не личной, но социальной... Отношения общества трудового, социалистического... создают наилучшую этику... это путь верный. И на фоне этой, в общем своем направлении верной дороги мне действительно искренне и отчетливо видится слабость нашего... вчерашнего «идеализма», и кажется мне он чуждым и отжившим. Но я вижу возможность — на другом берегу — слияния лучших его эле-

ментов с кующимся (сейчас оно во многом может подрываться жестокостью и захватываться грязными руками), далеко еще не сложившимся мировоззрением, которое лучшие люди на «новых берегах» ищут так же и более страстно, чем [мы] искали на старых».

Искренние ли это строки? Оснований сомневаться нет. Но — и растерянные... Именно в это время ее вызывали к следователю ГПУ. И в это же время она была исполнена тревоги за судьбу выпущенного на волю В. В. Бахтина, своего любимого ученика, которого специально упомянула в предисловии ко второму изданию «Истории письма...» с благодарностью за «существеннейшую помощь»...

К этому времени наметился слом культурологических позиций Добиаш-Рождественской в сторону социально-экономических воззрений, выраженных у нее слабо и косноязычно. Ольга Антоновна судорожно стремилась усвоить то, что выдавалось за марксизм, и слова ее, которыми она пробовала сформулировать «все те иногда очень деловые и очень марксистские вещи», часто звучали как заклинание.

Если попытки забвения трудов О. А. Добиаш-Рождественской в 60-е годы хоть как-то объяснимы, то полнейшее недоумение вызывает подгонка взглядов Ольги Антоновны (занимавшейся, повторю, историей культуры, понятой через морфологическое единство общества) под историко-материалистические схемы, прямо противоположные заявленному ею подходу, уже в наши дни, в конце 80-х. «Отмечая многообразие причин крестовых походов, — пишет В. М. Ершова, — О. А. Добиаш-Рождественская говорила и о зависимости походов «от экономического и социального развития средневековья, от его политической эволюции»... Заслуживает внимания и тот факт, что О. А. Добиаш-Рождественская обратилась к характеристике социальных порядков во вновь возникших на Востоке государствах крестоносцев, причем ее интересовали не только характер взаимоотношений между вождями крестоносного движения и феодалами, но и значительно ухудшившееся положение местных крестьян в этих государствах». Ну а как же иначе, если рассматривать морфологию общества! Я не против утверждения, что крестьяне жили плохо. Я против назойливого подверстывания всех многообразных глубинных социальных и духовных связей к экономическому базису, что в данном случае обедняет культурологические позиции О. А. Добиаш-Рождественской. В. М. Ершо-

ва, оценившая О. А. Добиаш-Рождественскую именно как историка культуры и зачинателя социально-психологических исследований, сама же мимоходом отказывает ей в этих характеристиках, возвращая читателя к тому самому «вульгарному социологизму», против которого, казалось бы, и направлен пафос ее книги. То же теоретическое недоумение возникает и тогда, когда автор зачем-то заставляет Ольгу Антоновну «преодолевать» свои дореволюционные искания и «сознательно и охотно воспринимать влияние идей исторического материализма». По письмам Добиаш-Рождественской мы знаем, что происходило это не очень сознательно и не слишком охотно... К тому же культурология и исторический материализм вещи очень разные; «охотная» смена одного другим свидетельствовала бы о методологической беспринципности О. А. Добиаш-Рождественской.

В свете трагических коллизий, случившихся на жизненном пути ученого, странно находить в книге В. М. Ершовой (и в послесловии Л. И. Киселевой к «Истории пись-

ма...») такое изложение ее биографии, будто никакой драмы не было: родилась, училась, по собственной воле переключалась с одной работы на другую, окруженная благодарными учениками... Будто не было увольнений, невольных предательств, страха, той «великой чересполосицы — инстинкта самосохранения и интеллигентских привычек. научно-исторического мышления и растерянности», о которой писала Л. Я. Гинзбург и что не только не умаляет, а скорее просветляет огромный духовный опыт ученого.

Если бы благополучный перечень заслуг Ольги Антоновны перед нашей исторической наукой вышел до 1985 года, вряд ли кто-либо (и я в том числе) осмелился бы выразить какие-либо претензии к нему — вспомнили, и то слава Богу. Но на дворе, то бишь на титуле книги, год 1988. А это «дистанция огромного размера», ко многому нас обязавшая, и прежде всего — к освобождению от страха.

Светлана НЕРЕТИНА.

ОДНА НА ВСЕХ ЭКОНОМИКА

Л. И. Пияшева, Б. С. Пинскер. Экономический неоконсерватизм: теория и международная практика. М. «Международные отношения». 1988. 255 стр.

Книга издана в серии «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Привычно ожидается очередное «разоблачение классовой сущности» при полном отсутствии сведений о предмете разоблачения. Однако авторы приятно разочаровывают своих читателей...

Л. Пияшева и Б. Пинскер рассказывают о политическом направлении, названном «экономический неоконсерватизм» и провозгласившем возврат к традиционному, то есть либеральному, рыночному, негосударственному капитализму. Но позвольте, спросит непосвященный читатель, к какому еще капитализму должны возвращаться страны капитала? И от чего возвращаться?

Придется вместе с авторами книги начать издавать, с послевоенных лет. В то время на Западе были необычайно привлекательны идеи социализма. Например, победившие на выборах в 1945 году английские лейбористы объявили целью своей политики «создание социалистической республики Великобритании» и в последующие годы провели частичную национализацию промышленности, создали национальную службу здравоохранения, расширили систему социального обеспечения. Эти меры оказались настолько популярны, что и консерваторам пришлось поддерживать их,

чтобы сохранить свое участие в политической жизни. Во всех западных странах принимались законы об охране труда, о социальном страховании, помощи бедным, бесплатном образовании и медицинской помощи, о национализации целых отраслей промышленности. Средства на это добывались путем увеличения налогов, и все большие массы денег разными путями перераспределялись от относительно богатых к относительно бедным. В то время все хорошо помнили экономическую депрессию 30-х годов и от общественно-экономической системы требовали в первую очередь гарантий, что подобное не повторится. Было признано, что нерегулируемая рыночная экономика не обеспечивает этой задачи и необходимы государственные службы по планированию, управлению и контролю.

Словом, за послевоенные десятилетия западные общества сделали большой шаг к социализму. Он не был замечен лишь нашей общественной наукой, вероятно, потому, что она понимала под социализмом отнюдь не свободу и благосостояние людей...

Размеры налогов и соответственно правительственных расходов возрастали от десятилетия к десятилетию. В США в 1913 году налогами на общую сумму 35 миллио-